

Сергей САМАРОВ

СТРЕЛЬБА В НЕВИДИМКУ

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Стрельба в невидимку / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 384 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-99535-6

Все взбудоражены: в городе объявился серийный убийца, прозванный журналистами Лешим. Он выследживает парочки в пригородном лесу, убивает мужчин, а с женщинами расправляется с особой жестокостью. Милиция действует по привычной схеме: сплошные облавы и засады-подставы. Но Леший уходит излюбленной, самой коварной ловушки. Кажется, он неуловим. Но ведь маньяк тоже человек, у него есть друзья. И даже подруга. Именно она подговорила Лешего на убийство ее мужа. А когда в деле замешана женщина, дело принимает совершенно непредсказуемый оборот...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Самаров С. В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-99535-6

ГЛАВА 1

1

С помощью пружины на входной двери рай-отдела милиции можно живого мамонта в космос запустить. Без проблем и согласований с соседней страной, где космодром «Байконур» расположен. Дверь стеклянная, но само стекло не зря называется «иней» — сквозь него и в бинокль с прибором ночного видения ничего не видно. Дежурный капитан готовился к рапорту, чесал утреннюю щетину на подбородке и, водя пальцем по строчкам, перечитывал уже готовую сводку перед тем, как передать ее дежурному по городу. Капитан вчера поругался с женой, уходил из дома второпях, хлопнув дверью, забыл взять очки и потому держал лист далеко от себя — дальнотзорность хренова с возрастом пришла. Это мешало вникнуть в суть, и пришлось излишне напрягаться. И он не сразу заметил за стеклом двери тень. Но звук — словно кошка скребется — услышал и поднял глаза. Кто-то пытался дверь открыть, но это не уда-

валось. Тень, похоже, подумала, что милиция на ночь закрывалась от воров, и стала терпеливо ждать непонятно чего.

Капитан толкнул ногой задремавшего сержанта-помощника. Тот даже не пошевелился. В утренние часы, известное дело, сон самый сладкий. Капитан толкнул посильнее и позлее. Ему самому невыносимо хотелось спать, и чувство зависти придало менту энергичности.

— Посмотри, кто там за дверью?

— Ба-ба... — членораздельно сказал, приоткрыв один глаз, сержант.

— Откуда знаешь?

— Приснилась, говорю, та-акая баба!.. — Сержант встал, громко зевнул, открыл второй глаз и вышел из дежурки, покачивая широченными, как ротный оружейный шкаф, плечами.

Он открыл дверь изнутри и выглянул.

— Я же говорю — баба. Заходи, чего, дура, мерзнешь...

С утра на улице было и в самом деле сыровато и холодновато. Сержант даже сквозь полудрему это тоскливо почувствовал.

Вид молодой женщины привлек внимание сразу. И капитан по этому виду понял, что районную сводку придется дополнять. Длинная куртка распахнута. Под курткой только легкая майка и джинсы. На голову накинута шарф, но он криво съехал на плечи. Под глазами отеки то ли ото сна, то ли от слез. Тушь с ресниц размазана по острым скулам. Блуждающий взгляд не все понимает. Одна рука в кармане, вторая нервно

дергает ползунок на замке-«молнии», того и гляди оторвет.

Она подошла к стеклу дежурки, минуту смотрела сквозь ограждение из органического стекла, потом наклонилась к просверленным отверстиям — своего рода переговорное устройство, которое никогда не ломается в отличие от других переговорных устройств. Но ничего произнести не могла долго.

Капитан устало откинулся на спинку кресла. Он давно отвык на своей службе от сочувствия — слишком это много отнимало душевных сил — и потому спросил холодно, по-деловому:

— Ну-ну, что с тобой случилось?..

— Я... Я... — губы дрожали.

— Что «ты»?..

— Я мужа убила...

И женщина достала из кармана пистолет, показывая.

Сержант, который не успел еще вернуться к себе за ограждение и продолжить просмотр души и еще что-то будоражащих снов, проявил завидную реакцию: бросился на женщину, тренированным ударом выбил пистолет из слабой руки, а саму руку мастерски завернул за спину, отчего женщина согнулась и чуть не упала. Но сопротивляться и даже стонать от боли не стала — словно ничего не почувствовала. Более того, капитан заметил, что у женщины даже взгляд не изменился — и не ушло все такое же отсутствующее выражение лица, словно во сне она находится.

Капитан понял без подсказок — наркоманка. Судя по состоянию, вот-вот начнется ломка. А это, знал капитан, снова потребует от него каких-то действий.

— Отпусти ее, — скомандовал он. — Поднимай «тревожную группу», пусть проверят.

— А что тут проверять? — удивился сержант, отпуская женщину и поднимая с пола двумя пальцами — чтобы отпечатков лишних не оставить — пистолет. — Сама же сказала...

— Ты что, не видишь, в каком она состоянии... Наркота... Наркоману что угодно привидеться может. Пусть сгоняют. А то приедут, а «мертвый» муж им дверь откроет. Нас же на смех поднимут. В любом случае, убийство — этим пусть горотдел занимается. Нам, сам понимать должен, крупнее семейных скандалов ничего не надо... — он потянулся и сам нажал кнопку вызова «тревожной группы». — Подъем, братва! На выезд!

Капитану очень нравилось называть ребят из «тревожной группы» «братвой». Да он к тому же и лучше других знал, как много правды в этом...

— Свиридов... — обратился капитан к дежурному следователю. — Если там все ясно, может, в город дело и не передавать? Посмотри, сориентируйся... Убийство, раскрытое по горячим следам. Нам только плюс будет...

— Посмотрим... — сурово сказал Свиридов и положил в карман колоду игральных карт, которую почему-то держал в руке.

«Тревожная группа» за ночь выезжала только дважды. В остальное время парни играли в «хра-

па». Свиридов умудрился проиграть четверть вчера только полученной зарплаты и потому был зол на тещу, которой сильно задолжал.

2

Скучно на работе бывает не только иногда трезвым сторожам на пустых складах простаивающих предприятий, но и частным сыщикам. Могу говорить об этом откровенно и обоснованно, не опасаясь, что другие частные сыщики подадут на меня в суд за клевету.

Я сидел и, естественно, скучал у себя в кабинете, перекладывая на столе с места на место бумаги, в которых надобность уже отпала по причине неплатежеспособности недавнего моего клиента — если на человека объявлен всероссийский розыск, то ему, понятное дело, трудно бывает заплатить. Без стука и даже без скрипа открылась дверь, и вошел Лева Иванов, отставной ментовский подполковник, а ныне мой уважаемый шеф и директор частного детективного агентства «Аргус».

— Серега, насколько я понимаю, отставному майору спецназа ГРУ положено знать если не все, то много такого, что простым смертным может не понадобиться в жизни... — он уселся в кресло для клиентов и сразу стал ниже ростом и совсем не похожим на начальника.

— Предположим... — ответил я настороженно, ожидая худшего продолжения.

— У меня вот, понимаешь, возникли проблемы дома. Внучке принесли ежа — подарили, чтоб

им самим, этим дарителям, ежовой щетиной произрасти... А он не хочет ничего есть и вообще из-под кровати не выбирается. Только ночью чуть-чуть протопчется по комнате и назад. Даже молоко не пьет. Может, болеет?

Вопрос, надо сказать, достойный моей нынешней должности! Но и честь мундира отставного спецназовца поддержать хочется.

— А это еж или ежиха? — хитро спросил я в соответствии с этим скромным желанием.

— А кто ж их разберет? — озадачился Лева и стал чем-то отдаленно похож на роденовского «Мыслителя».

Здесь он, голубчик, и попался, потому как я слышал, только еж может отличить ежа от ежихи.

— Вот узнай, а потом приходи, поговорим...

— А где узнать?

— Ты, похоже, пенсию свою ментовскую не заслужил, если меня об этом спрашиваешь. Тоже мне, разыскник...

Вот так — красиво и категорично. И пусть сам разбирается с этими колючками. Я же в доме, кроме кошек, никого сроду и не держал.

— Ладно, — Лева, похоже, расстроился. — Я пойду узнавать, а к тебе сейчас клиент подойдет. Я его на тебя «расписал», чтобы у тебя пролежней на спине не образовалось... Он сейчас в бухгалтерии. Аванс оплачивает.

И шеф ушел.

Надо же так... Нехорошо получилось. Человек ко мне со всей душой, даже работу, а следова-

тельно, и дополнительный заработок подогнал, а я его чуть не матом...

В дверь поскреблись. Я догадался, что это не ежик Левы Иванова, и пригласил:

— Да-да. Войдите, — и включил диктофон.

Пришедший оказался молодым человеком лет двадцати пяти — двадцати восьми. Подслеповатые глаза за толстыми стеклами очков избегают смотреть прямо, но это, как мне показалось, не от нечестности, а от неуверенности в себе. А в целом ничуть не примечательное лицо, ничего не выражающее, кроме той же неуверенности. И в то же время, при всей невзрачности, лицо запоминающееся. Может быть, именно невзрачностью и запоминающееся.

— Здравствуйте. Меня к вам направили. Моя фамилия Осоченко, — и он протянул мне корешок от приходного бухгалтерского ордера.

Я показал рукой на кресло и взял корешок. Каждое дело обычно начинается именно с этой невзрачной бумажки, которую следует посмотреть и вернуть клиенту. А потом отрабатывать оплаченную им сумму. Как правило, отработка эта бывает довольно нудной. Чаще всего в детективное агентство обращаются люди с просьбой собрать сведения или о конкуренте, или о предполагаемом компаньоне — чтобы не обжечься в каком-то деле.

— Итак? — спросил я.

— Я уже вкратце рассказывал вашему директору... — начал он, словно школьник на уроке, когда домашнее задание не выполнил.

— А теперь расскажите мне подробнее, — перебил я. — И смелее, молодой человек. Сегодня я сыт и клиентов съедать не собираюсь.

Терпеть не могу, когда мямлят.

— Вчера убили моего друга... — и долгая пауза.

Неужели не мог отрепетировать свою вступительную речь перед тем, как сюда прийти.

— Милиция что говорит?

— Ничего пока.

— Где убили?

— Дома.

— Убийца?

— Вот в этом-то и все дело...

Теперь и ежику понятно. Тому самому, который у Левы Иванова молоко пить не желает. Просто все по полочкам разложено. Оказывается, дело в убийце. Послушаем дальше, может, и еще что новое узнаем.

— Понимаете, он сам редко кололся, а жену колоться заставлял...

— Убийца?

— Нет, убитый. Нравилось ему смотреть, как Санька «плавает» от укола. Так и позавчера вечером было. А вчера утром она пришла в себя после дозы... Сидит в кресле, в руках пистолет... А на полу Валентин валяется. С простреленной головой. Сама она ничего не помнит.

Опять долгая пауза.

— А дальше? — вынужденно «подогнал» я.

— Она пошла в милицию. У них райотдел рядом. Через дорогу. И сказала, что мужа убила. Ее арестовали.

Теперь я паузу поддержал. Мое скудоумие — что сделаешь, от природы я такой! — не позволило мне сразу сообразить, чего же хочет от меня настойчивый посетитель в таком ясном деле.

— Санька не могла это сделать, — сказал Осоченко наконец решительно, словно приказал Цезарю Рубикон перейти.

Вот так. Теперь все ясно. Или почти все...

— Вас как зовут? — спросил я.

— Осоченко.

— А имени у вас нет?

— Есть. Гоша, — и он почти покраснел и опять отвел глаза. Ресницы его при этом замигали так часто, словно в глаз бревно ветром занесло.

Должно быть, не любит свое имя.

А у меня, кстати сказать, уже включилось «зажигание» и проявилась просто необыкновенная страсть к работе.

— Гоша, я понимаю, что вы по каким-то причинам переживаете случившееся и принимаете это близко к сердцу. Но давайте сразу договоримся — вы заплатили деньги с определенной целью. Я пока не понимаю, с какой именно. Поставьте мне конкретную задачу, а потом я буду задавать вам вопросы. Так у нас разговор получится более членораздельный. Итак, чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы доказали невиновность Саньки, — как ни странно, он все же понял мой вопрос. И даже сумел сказать фразу достаточно твердо.

— Но она сама призналась? — я же, наоборот, так и не понял его желание.

— Она ничего не помнит. Она же была под «кайфом»...

— Хорошо. А откуда у вас уверенность, что она не могла это сделать?

Теперь клиент задумался на пару минут.

— Я их очень хорошо знаю. Знал то есть... Его — знал, ее — знаю... — он явно запутался во временных окончаниях. — Мы в одном классе учились и до сих пор дружим. Дружили то есть... Она любила его...

— Это еще ничего не значит. Наркотики существенно меняют психику человека.

— Она не была конченной наркоманкой... И потом, когда она пришла в себя, дверь квартиры была открыта...

— Но, как я понимаю, ваша уверенность основана исключительно на предположении. А о чем говорят факты? Вы познакомились с милицеским протоколом?

— Нет... — смутился он.

— Поймите, мне ваши деньги не жалко. Я могу этим делом заняться. Но давайте сразу договоримся конкретно, чтобы потом недомолвок не было и непонимания. Вы ставите мне задачу доказать ее невиновность. Я знакомлюсь с материалами дела и после этого уже смогу вам ответить — есть ли для этого хоть какая-то возможность. Если нет — то я ничем помочь вам не смогу.

— Хорошо... Я так и думал.

— Договорились. Еще один вопрос. Вы также хотите, чтобы я нашел убийцу, если это не она?

— Нет. Этим пусть занимается милиция. Я не настолько богат, чтобы все оплачивать.

Странно, но в его глазах я вдруг уловил железную, непоколебимую твердость. И эта твердость как-то не вязалась с тем первичным впечатлением, которое я составил о Гоше Осоченко. Похоже, парень жадноват. Впрочем, эту фразу — «я не настолько богат» — говорит каждый второй клиент, и я к ней уже привык. И не каждый из них достаточно жаден. Проверено.

— Но, вероятно, поимка настоящего убийцы, если он существует не только в вашем воображении, будет единственной возможностью доказать невиновность жены убитого. Как тогда?

— Тогда — да...

Я протянул руку под стол и выключил диктофон. Предварительный разговор закончен, пора приступить к предварительному расследованию.

3

Как правило, убийства не расследуются рай-отделами. Такие дела уходят или в городское управление, или же сразу в областное, или вообще с разбегу в следственный отдел ФСБ, что автоматически ставит их на контроль Генеральной прокуратуры.

Для начала я набрал телефонный номер ротдела.

— Мне нужен Лоскутков, — на начальственный тон здесь реагируют адекватно, поэтому я всегда стараюсь говорить с интонациями